

Когда артист произнёс эти слова, атмосфера в комнате упала ниже нуля. Но режиссёр всё ещё не сдавался.

«Ну приснилось тебе кладбище. А что, если в этой деревне его вовсе нет? Сами себя накручиваем! Давайте-ка двое пойдут со мной – проверим, до самого конца деревни!»

Все нехотя, но под грозным взглядом режиссёра двое сотрудников шагнули вперёд.

«Пока мы не вернёмся – никто не уходит! – рявкнул режиссёр. – Кто нарушит – выставлю неустойку!»

Цзян Бухуань хотел возразить, но режиссёр уже развернулся и зашагал прочь.

«Эта деревня – сущий ад, – прошептала У Я, подходя к Цзян Бухуаню. – Зачем, чёрт возьми, они выбрали это место для съёмок?»

«Не знаю...» – ответил он.

По правде, режиссёр всегда был надёжным человеком. Но стоило им войти в эту деревню, как его поведение стало странным. словно... в нём поселился кто-то другой.

Режиссёр шёл по извилистой деревенской тропе и вскоре добрался до края деревни – именно туда, о чём говорил артист.

Чем ближе они подходили, тем тревожнее становилось на душе. Всё вокруг в точности совпадало с описанием. Даже мельница у входа стояла на своём месте.

«Режиссёр Янь, может, не пойдём дальше? – один из сопровождающих уже дрожал. – Я чувствую: здесь что-то не так».

Режиссёр молча шагал вперёд, лицо его было мрачным. За деревней вилась лишь узкая тропинка – не заблудишься. Но вокруг становилось всё пустыннее, и ощущение неведомого сжимало грудь.

Наконец, миновав редкую рощицу, они увидели кладбище. Могилы тесно лепились по склону холма. На некоторых ещё остались подношения и тлели благовонные палочки – всё в точности, как рассказывал артист.

Те двое замерли, не смея ступить дальше. Режиссёр же, вместо того чтобы испугаться, разразился бранью, называя артистов трусами, что сбегают из-за какого-то дурацкого сна.

Сотрудники переглянулись. В глазах друг друга они прочли страх. Режиссёр вёл себя чудовищно странно. Обычно добродушный и спокойный, сейчас он изрыгал проклятия, не умолкая. От этой перемены волосы у них встали дыбом.

Тот, что посмелее, не выдержал: «Режиссёр Янь, давайте вернёмся».

Режиссёр холодно уставился на него: «Вернёмся?»

«Да, - голос дрогнул. - Кладбище здесь. Значит, Сяо Хун говорил правду... С этой деревней что-то не так».

На лице режиссёра расцвела странная улыбка: «А куда ты хочешь вернуться?»

Сотрудник онемел от страха. Улыбка исчезла так же внезапно, как появилась. Голос режиссёра снова стал нормальным: «Пошли отсюда».

«К-куда?» - осторожно спросил тот.

«Куда же ещё - туда, где остановились», - ответил режиссёр.

Хотя ответ прозвучал странно, они не стали раздумывать. Им хотелось лишь одного - поскорее покинуть это проклятое место. Цепь необъяснимых событий заставляла кровь стынуть. Они ещё ни с чем не столкнулись лицом к лицу, но оставаться здесь дольше не желали.

Все трое покинули кладбище и поспешили обратно к дому Лю.

Когда Лу Цинцзю вышел из своего дома, он случайно заметил, как все трое - растерянные, без следа вчерашнего спокойствия - почти бегут прочь.

«Что с ними случилось? - с любопытством спросил Лу Цинцзю. - Неужели и они ночью столкнулись с чем-то странным?»

Бай Юэху стоял рядом, сжимая в руках мотыгу. Он фыркнул, явно всё ещё злясь на эту группу. Эти невежды посмели тронуть его овощи! Будь они не людьми, могли бы уже оказаться на вчерашнем обеденном столе.

Увидев выражение лица Бай Юэху, Лу Цинцзю не сдержал улыбки: «Вчера я с ними побеседовал. Думаю, они больше не тронут твои посадки».

«Посмели бы они!» - хмыкнул Бай Юэху.

Сегодня Лу Цинцзю специально пошёл с ним в поле, опасаясь, что эти люди не вняли его предупреждениям. Если дух лисы разгневется, он и сам не сможет его остановить. А если Бай Юэху сорвётся и съест кого-нибудь из этой группы, хлопот не оберёшься.

Все посевы Бай Юэху росли с пугающей скоростью. Соседнее поле ещё зеленело всходами, а его помидоры уже начали плодоносить.

Когда Бай Юэху вернулся на поле, он не спешил приниматься за работу. Сначала он обвёл взглядом свои владения. Лу Цинцзю поначалу подумал, что тот что-то высматривает, но, присмотревшись, понял: Бай Юэху беззвучно шевелил губами, считая вслух. Он пересчитывал помидоры на своём участке!

Ошеломлённый Лу Цинцзю не смог сдержать смех. Ещё вчера он удивлялся, как тот так легко заметил, что незнакомцы собрали его урожай, – ведь они взяли совсем немного. Он и предположить не мог, что Бай Юэху на самом деле помнит, сколько именно овощей растёт на его грядках.

Лу Цинцзю не удержался, чтобы не поддразнить его: «И сколько же там помидоров?»

Бай Юэху уточнил: «Ты про те, что созрели, или про все, что подросли?»

«Созревшие».

«Двести сорок два, – сказав это, Бай Юэху тут же помрачнел и добавил с досадой: – Вчера было двести пятьдесят четыре». Та компания сорвала двенадцать штук. Хм-м.

Прочитав выражение лица Бай Юэху, Лу Цинцзю наконец расхохотался в голос. Ему казалось, что этот мелочный лис был до ужаса милым – до того милым, что хотелось прикоснуться к его пушистым белым ушам.

Бай Юэху озадаченно нахмурился: «Чего это ты смеёшься?»

«Над тем, какой ты милый», – ответил Лу Цинцзю.

«Милый? С чего бы мне быть милым?» – Бай Юэху искренне не понимал.

«Я впервые вижу, чтобы кто-то помнил точное количество овощей, которые выращивает, – сказал Лу Цинцзю, всё ещё улыбаясь. – Это и правда ужасно мило».

Бай Юэху пожал плечами: «Все мои соплеменники должны это помнить. Иначе как узнаешь, что что-то украли?» – сказал он так, будто это было само собой разумеющимся.

Лу Цинцзю снова рассмеялся: «Ха-ха-ха!»

К счастью, сегодня та группа не тронула овощи Бай Юэху. Лу Цинцзю с облегчением выдохнул. Он не был до конца уверен, что съёмочная группа прислушается к его совету, но если бы они всерьёз разозлили Бай Юэху, который так трепетно относился к своей еде, ему пришлось бы срочно придумывать, как утихомирить его гнев.

«Мне нужно чем-нибудь помочь?» – спросил Лу Цинцзю. Он давно не появлялся на семейном поле – обычно Бай Юэху управлялся один. Засучив рукава, он собрался было помочь, но тот лишь махнул рукой: «Ступай обратно».

«А?» – Лу Цинцзю опешил.

«Иди готовь обед, – сказал Бай Юэху. – Тебе здесь делать нечего». С этими словами он с естественной грацией поднял мотыгу, готовясь к работе.

Надо признать, в том, как Бай Юэху – с его возмутительно прекрасным лицом – держал крестьянскую мотыгу, было что-то смущающее. Но это смущение не вызывало неловкости; напротив, от него улыбка Лу Цинцзю становилась только ярче.

Вернувшись во двор, Лу Цинцзю столкнулся с подозрительным взглядом Инь Сюня. Тот спросил, почему у него на лице такое добродушное выражение, будто он – старый отец, чей сын только что поступил в университет.

Услышав это, Лу Цинцзю посмотрел на Инь Сюня: «А ты как думаешь? У тебя получится поступить в университет?»

Инь Сюнь: «...Я так не думаю».

Лу Цинцзю вздохнул: «Эх, если бы ты поступил, моя улыбка была бы, пожалуй, ещё ярче».

Инь Сюнь: «...» Ему показалось, что в его словах что-то не так.

Лу Цинцзю полагал, что съёмочной группе потребуется несколько дней, чтобы решить вопрос с отъездом, но они оказались на удивление проворными. К вечеру он услышал звук заводящегося автомобиля. Выглянув за дверь, увидел, что они уже упаковали вещи и готовятся тронуться в путь.

Та знаменитость, которую они встречали раньше, стоял в стороне в солнцезащитных очках и с мрачным лицом говорил по телефону. Заметив Лу Цинцзю, он слегка напрягся, прервал разговор и направился к нему. Подойдя к двери, он снял очки, открыв усталые глаза: «Привет».

«Привет», – ответил Лу Цинцзю. Раз они сумели прислушаться к совету, возможно, их ещё можно было спасти, поэтому его тон стал чуть мягче.

«Мы уезжаем прямо сейчас, – сказал Цзян Бухуань. – Нам очень жаль, что мы вас беспокоили».

«Ничего страшного, – ответил Лу Цинцзю. – В следующий раз готовьтесь лучше: хотя бы предупреждайте жителей деревни заранее».

«Да, – кивнул Цзян Бухуань. – На этот раз всё действительно пошло не так... Но можно спросить, почему вы обратили на нас внимание?»

Практически вся деревня избегала их. Даже если они подходили с вопросами, в ответ получали лишь холодные, настороженные взгляды. Только Лу Цинцзю одолжил им рис и даже любезно пришёл предупредить, а они в ответ грубо обворовали его поле. При мысли об этом Цзян Бухуаню стало стыдно.

«Возможно, потому что я вернулся сюда из города, – предположил Лу Цинцзю. – В этой деревне не доверяют чужакам. Если хотите снимать шоу, лучше выбрать другое место».

«Да... Интересно, почему они выбрали именно это место? – Цзян Бухуань обернулся, взглянул на режиссёра и пробормотал: – Всё это очень странно. К тому же прошлой ночью нам всем снились кошмары».

Лу Цинцзю насторожился: «Кошмары? Что именно вам снилось?»

Цзян Бухуань уже собирался ответить, но подбежал его менеджер и сказал, что команда отъезжает. Цзян Бухуань лишь виновато улыбнулся: «Если не против, давайте обменяемся номером в Вичат. Я расскажу вам подробнее».

Лу Цинцзю с готовностью согласился. Ему было ужасно любопытно.

Когда машины один за другим покидали деревню Шуйфу, Лу Цинцзю получил сообщение. Он прочитал описание сна Цзян Бухуаня и задумался: в его собственном сне, пойманном ловушкой снов, он тоже слышал гул воды и рев зверя. Неужели эти сны связаны? Хмурясь, Лу Цинцзю погрузился в размышления.

Но сколько ни думал, ответа не находил. Взглянув на часы, он понял, что уже почти полдень, а он так и не закончил готовить обед. Нельзя, чтобы Инь Сюнь и Бай Юэху остались голодными.

Тем временем Цзян Бухуань ехал в микроавтобусе вместе с режиссёром и остальными артистами. Возможно, из-за кошмара прошлой ночи он весь день был на взводе. Тревожное предчувствие не отпускало его.

«Что случилось, А-Хуань? – тихо спросила сидевшая рядом У Я. – Ты так хмуришься».

«Мне не по себе», – Цзян Бухуань потёр переносицу.

«Может, поспишь?» – предложила она.

«Нет». Несмотря на усталость, спать ему совершенно не хотелось.

«Тогда я посплю, я очень устала», – зевнув, У Я почти мгновенно уснула.

Казалось, весь салон наполнился дремотной атмосферой. Один за другим пассажиры клевали носом. Цзян Бухуань тоже почувствовал сонливость. Он зевнул, веки тяжелели. Но, едва он собрался провалиться в сон, как буддийский амулет, висевший у него на шее с рождения, внезапно раскалился. Обжигающий жар хлестнул по коже, заставив Цзян Бухуаня вздрогнуть и распахнуть глаза. То, что он увидел, леденило кровь: водитель впереди спал, уронив голову на руль. Машина, потеряв управление, уже на полной скорости неслась к обрыву горной дороги.

Цзян Бухуаня бросило в холодный пот. Он рванулся вперёд, оттолкнул обмякшее тело водителя, вцепился в руль и резко вывернул его в другую сторону. К счастью, скорость была невысокой – машина врезалась в скалу и, вздрогнув, остановилась.

Дрожа всем телом, Цзян Бухуань оглянулся на вторую машину с оборудованием, ехавшую позади. К счастью, её водитель не уснул и успел затормозить, избежав столкновения.

Цзян Бухуань трясся как в лихорадке. Ещё несколько секунд – и все в этой машине могли погибнуть. Он попытался перевести дух, но вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд – ледяной, пронизывающий до костей. Обернувшись, он увидел режиссёра, сидевшего у окна и смотревшего на него с едва скрываемой ненавистью. Но, мелькнуло в сознании Цзян Бухуаня, возможно, ему показалось. В следующую секунду режиссёр уже суетливо спрашивал, что произошло.

Члены съёмочной группы из второго автомобиля, потрясённые случившимся, высыпали на дорогу и обступили их машину.

Спящие пассажиры просыпались один за другим. На их лицах застыло замешательство. Когда водитель осознал, что уснул за рулём, он побледнел и, пошатываясь, сполз на землю.

«Все в салоне уснули, - сказал Цзян Бухуань. - К счастью, я проснулся и успел повернуть руль».

«Как мы могли все уснуть?!» - никто не мог в это поверить.

«Я не знаю, - растерянно произнесла У Я. - Меня просто неудержимо клонило в сон...»

«Должно быть, дело в этой деревне, - проговорил другой артист, и голос его дрожал от страха. - Давайте скорее домой. Мы здесь едва не погибли. Это место слишком жуткое. Я больше никогда сюда не вернусь».

В суматохе голосов и шагов они торопливо двинулись дальше. Но на сей раз каждый был настороже, до последней капли внимания, и, не смея отвести взгляд, пристально следили за водителем.

На заднем сиденье молчал Цзян Бухуань. Он ощутил тупую боль в груди. Проведя рукой по ткани, нащупал - в центре груди, под одеждой, алел свежий ожог. По форме он напоминал кулон Будды, что висел у него на шее. Но несмотря на боль, сердце его наполнилось тихой радостью. Если бы не этот оберег, сегодня все, кто сидел в машине, могли бы уже не проснуться...

Остаток пути прошёл без происшествий. Съёмочная группа наконец покинула деревню Шуйфу.

Узнав в мессенджере о случившемся с Цзян Бухуанем, Лу Цинцзю замер от изумления. Вечером, за ужином, он пересказал всё Инь Сюню и Бай Юэху.

Бай Юэху и прежде не питал тёплых чувств к этой группе. То, что он не сделал против них ни шага, уже было пределом его доброты. Когда он услышал о происшествии, лицо его осталось невозмутимым - ни капли интереса.

Но Инь Сюнь нахмурился: «Странно. Раньше в Шуйфу заходили чужаки. Их, конечно, не жаловали, но уж точно никто не рисковал жизнью».

«Верно», - кивнул Лу Цинцзю.

«Но я вот что подумал, - продолжил Инь Сюнь. - Большинство тех, кто приезжал в Шуйфу, были приглашены».

«Почему ты так говоришь?» - спросил Лу Цинцзю.

«Само собой, ты вырос здесь, так что ты свой. А Чжу Мяомяо - она чужая, но приехала по твоему приглашению. - Инь Сюнь откусил нежного спаржевого салата*. - Может, поэтому с

ней ничего не случилось?»

[Гибрид сельдерея и салата.]

«Но съёмочную группу тоже пригласили, - возразил Лу Цинцзю, чувствуя в его словах изъясн. - Помнишь, семья Лю дала им ключи?»

«Ах, и правда», - согласился Инь Сюнь.

«Если только...» - начал Лу Цинцзю.

«Если только что?»

«Если только тот, кто их пригласил, на самом деле не был из семьи Лю».

Инь Сюнь удивлённо поднял брови: «Что ты имеешь в виду?»

«Это всего лишь догадка, в ней нет толку. - Лу Цинцзю отмахнулся. - Сегодня вечером приготовлю суп с грибами „серебряные ушки“. Кстати, ты умеешь ловить пчёл? В этом году я хочу попробовать сделать мёд».

«Не умею. Но слышал, что пчеловоды обычно ставят искусственные ульи и обманом заманивают пчёл внутрь. Если в улье появляется матка, за ней прилетает весь рой» .

Лу Цинцзю собирался ответить, что сначала нужно изучить инструкции в интернете, но сидящий рядом Бай Юэху вдруг сказал: «Я поймаю пчёл. Только подготовь улей».

«Хорошо» , - легко согласился Лу Цинцзю.

С наступлением весны Лу Цинцзю вычистил курятник и хлев. «Корова», которую привёл Бай Юэху, проспала всю зиму, и молока у них не было. Теперь же она проснулась и громко мычала, жалуясь на голод.

Инь Сюнь тут же помчался к ней, схватив свежие огурцы, и восторженно твердил, что никогда не пробовал молока со вкусом огурца.

Лу Цинцзю долго смотрел ему вслед, не зная, что сказать. Особенность этой коровы дала воображению Инь Сюня крылья, и они унесли его далеко в небеса.

В тот вечер они пили молоко со вкусом огурца. На удивление, вкус оказался приятным – свежим и не жирным. Лу Цинцзю оно понравилось, а вот Бай Юэху, сделав один глоток, отодвинул кружку и больше к ней не притронулся.

После отъезда Цзян Бухуаня и остальных деревня вновь погрузилась в прежний покой. Соседский дядюшка Ли даже прислал Лу Цинцзю локву с собственных деревьев.

Локва в деревне была мелкой, не слишком мясистой, но необычайно сладкой, с насыщенным вкусом – совсем не похожей на ту, что продавали в городе, большую, но почти безвкусную.

Когда Лу Цинцзю лакомился локвой, раздался звонок от владельца магазина саженцев. Он сказал, что заказанные Лу Цинцзю саженцы прибыли: апельсины, яблоки, локва – все виды. Какие именно Лу Цинцзю хотел?

Цинцзю выбрал несколько, собираясь посадить их и во внутреннем, и во внешнем дворе. Если следовать нормальному росту, до первых плодов пришлось бы ждать несколько лет. Но у него дома был Бай Юэху – этот мастер созревания, куда полезнее любого удобрения. Возможно, уже этой осенью они будут есть плоды с собственных деревьев.

Инь Сюнь втайне дал Бай Юэху прозвище «Удобрение Бай». Разумеется, он не осмелился произнести это вслух – лишь шепнул Лу Цинцзю наедине.

Услышав это, Лу Цинцзю расхохотался, а затем строго велел Инь Сюню ни в коем случае не дай бог не проговориться Бай Юэху, иначе у Инь Сюня будет весьма высокий шанс самому стать удобрением...

Инь Сюнь закивал так рьяно, словно молотил головой чеснок, и заверил, что инстинкт самосохранения у него на высоте.

Способность Бай Юэху добиваться цели всегда была поразительной. Он сказал, что поймает пчёл для Лу Цинцзю, и через три дня уже сделал это. Лу Цинцзю ещё не закончил мастерить улей, когда увидел, как Бай Юэху возвращается с пластиковым пакетом в руках. Зайдя в дом, он положил пакет на стол и сказал: «Я достал пчёл».

Лу Цинцзю слегка удивился: «И где же они?»

«Здесь», – Бай Юэху указал на пакет.

Лу Цинцзю, Инь Сюнь: «...»

Хотя они никогда прежде не держали пчёл, они точно знали, что пластиковым пакетом их не

ловят.

Бай Юэху поднял пакет и просто открыл его, показывая Лу Цинцзю. Тот опешил от такой беспечности, но, увидев, что из пакета не вылетают пчёлы, подошёл ближе. Внутри сидели четыре или пять пчёл. Только, сколько ни смотри, эти «пчёлы» выглядели необычно. Даже если оставить в стороне, что каждая была размером с птицу, их верхняя половина походила на птичью – на крыльях даже виднелись перья.

Лу Цинцзю поднял голову: «Это – пчёлы?»

«Да», – ответил Бай Юэху.

«У пчёл бывают перья?»

«Наверное, им было холодно».

«Почему они такие большие?»

«Наверное, много ели?»

Лу Цинцзю: «...» Ты считаешь меня дураком?

Но больше всего Лу Цинцзю растерялся, когда, услышав их разговор, эти «пчёлы» уставились на них жалобными глазами, будто их жестоко обидели. Он хотел сказать что-то ещё, но те вдруг заговорили человеческими голосами. Одна из них дрожащим тоном произнесла: «Старший брат, не сомневайся. Я правда пчела. Бззз-бззз-бззз».

Лу Цинцзю: «...» К чёрту твоё «бззз»! Какая пчела жужжит ртом?! И вообще – какая пчела умеет говорить на человеческом языке? И говорит на путунхуа? Это что, элитные пчёлы, прошедшие девять лет обязательного образования?

Остальные тоже принялись жужжать, будто хотели приклеить себе на лбы крупные буквы: «Я – пчела».

Глядя на этих дрожащих созданий, вынужденных признавать себя «пчёлами», Бай Юэху удовлетворённо кивнул: «Видишь? Как я и сказал – они пчёлы».

Лу Цинцзю решил не допытываться: «...Хорошо».

Раз они говорят, что они пчёлы, значит, они пчёлы. Ничего не поделаешь – остаётся только принять как есть.

Автору есть что сказать:

Бай Юэху: Я - лис.

Лу Цинцзю: Ладно, ладно.

Бай Юэху: Это - пчёлы.

Лу Цинцзю: Прекрасно, прекрасно.

Бай Юэху (указывая на Инь Сюня): А это - еда.

Инь Сюнь: ??? Мяу-мяу-мяу???

Переводчику есть что сказать:

ессо: Шуйфу - закрытая деревня! Чужаков выживают? Кто-то отправляет чужих, чтобы прощупать возможность попасть внутрь?

Волко-лис Юэху дурит Красную Шапочку Цинцзю. Самый большой хулиган в округе. (□□□)
Бедные псевдо пчёлки.

Рохана: /сквозь слёзы смеха/ Бедные «пчёлы»!

<http://bllate.org/book/15722/1630924>